

Tożsamość (w) przestrzeni

Сущность пространства

пространство сущности

Studia dedykowane

Profesorowi Wasilijowi Szczukinowi

TOŻSAMOŚĆ (W) PRZESTRZENI

СУЩНОСТЬ ПРОСТРАНСТВА /
ПРОСТРАНСТВО СУЩНОСТИ

SCRIPTA)|C ŁUŻNIANA
Tom II

TOŻSAMOŚĆ (W) PRZESTRZENI

**СУЩНОСТЬ ПРОСТРАНСТВА /
ПРОСТРАНСТВО СУЩНОСТИ**

**Studia dedykowane
Profesorowi Wasilijowi Szczukinowi**

**Pod redakcją
Matyldy Chrzęszcz,
Kseni Dubiel
i Heleny Duć-Fajfer**

Kraków

Matylda Chrząszcz

Uniwersytet Jagielloński, Kraków

📧 <https://orcid.org/0000-0003-4313-5995>

✉ matylda.chrzaszcz@uj.edu.pl

Ksenia Dubiel

Uniwersytet Jagielloński, Kraków

📧 <https://orcid.org/0000-0002-7512-2235>

✉ ksenia.panas@uj.edu.pl

Helena Duć-Fajfer

Uniwersytet Jagielloński, Kraków

📧 <https://orcid.org/0000-0001-9436-3846>

✉ helena.duc-fajfer@uj.edu.pl

© Copyright by individual authors, 2022

Recenzenci

dr hab. Andrzej Dudek, prof. UJ

Prof. Natalia Vesselova, University of Ottawa

Opracowanie redakcyjne

Irena Gubernat (j. polski), Yanina Ryier (j. rosyjski)

Projekt okładki

Lesław Sławiński

ISBN 978-83-8138-730-9 (druk)

ISBN 978-83-8138-731-6 (PDF)

<https://doi.org/10.12797/9788381387316>

Na okładce: mapa Moskwy, 1726 (www.rijksmuseum.nl)

Publikacja dofinansowana przez Wydział Filologiczny Uniwersytetu Jagiellońskiego

WYDAWNICTWO KSIĘGARNIA AKADEMICKA

ul. św. Anny 6, 31-008 Kraków

tel.: 12 421-13-87; 12 431-27-43

e-mail: publishing@akademicka.pl

Księgarnia internetowa: <https://akademicka.com.pl>

Fot. Barbara Szczukin

TABULA GRATULATORIA

- Zbigniew Babik, Uniwersytet Jagielloński
Vsevolod Bagno, Rosyjska Akademia Nauk /
Российская академия наук
Krzysztof Bak, Uniwersytet Jagielloński, Uni-
wersytet Sztokholmski / Stockholms
universitet
Katarzyna Bazarnik, Uniwersytet Jagielloński
Zofia Berdychowska, Uniwersytet Jagielloński
Krzysztof Bielawski, Uniwersytet Jagielloński
Piotr de Bończa Bukowski, Uniwersytet
Jagielloński
Dariusz Brodka, Uniwersytet Jagielloński
Jerzy Brzozowski, Uniwersytet Jagielloński
Renata Bura, Uniwersytet Jagielloński
Anna R. Burzyńska, Uniwersytet Jagielloński
Magdalena Wasilewska-Chmura, Uniwersytet
Jagielloński
Wojciech Chlebda, Uniwersytet Opolski
Urszula Cierniak, Uniwersytet Humanistyczno-
Przyrodniczy im. Jana Długosza w Często-
chowie
Andrzej Dudek, Uniwersytet Jagielloński
Katarzyna Dybeł, Uniwersytet Jagielloński
Adam Fałowski, Uniwersytet Jagielloński
Lazar Fleishman, Uniwersytet Stanforda / Stan-
ford University
Dorota Gil, Uniwersytet Jagielloński
Pavel Glushakov, Ryga
Marek Hałaburda, Uniwersytet Papieski Jana
Pawła II
Agata Hołobut, Uniwersytet Jagielloński
Gabriella Elina Imposti, Uniwersytet Boloński /
Università di Bologna
- Jadwiga Janaszek, Kielce
Maria Jodłowiec, Uniwersytet Jagielloński
Beata Kałęba, Uniwersytet Jagielloński
Jerzy Kapuścik, Uniwersytet Jagielloński
Lubov Kiselova, Uniwersytet w Tartu / Tartu
Ülikool
Jadwiga Kita-Huber, Uniwersytet Jagielloński
Anna Klimkiewicz, Uniwersytet Jagielloński
Maria Kłańska, Uniwersytet Jagielloński
Agnieszka Kocik, Uniwersytet Jagielloński
Alexandr Korablev, Doniecki Uniwersytet
Narodowy / Донецкий национальный
университет
Lesława Korenowska, Uniwersytet Pedagogicz-
ny w Krakowie
Lucyna Korycińska, Uniwersytet Jagielloński
Katalin Kroó, Uniwersytet Loránda Eötvösa /
Eötvös Loránd Tudományegyetem
Olga Kuptsova, Moskiewski Uniwersytet Pań-
stwowy / Московский Государственный
университет
Halina Kurek, Uniwersytet Jagielloński
Tatjana Kuzovkina, Uniwersytet Talliński / Tal-
linna Ülikool
Andrzej de Lazari, Uniwersytet Łódzki
Bohdan Łazarczyk, Uniwersytet Jagielloński
Lidia Macheta, Uniwersytet Jagielloński
Dina Magomedova, Rosyjska Akademia Nauk /
Российская академия наук
Izabella Malej, Uniwersytet Wrocławski
Agnieszka Malska-Lustig, Uniwersytet
Jagielloński

- Elżbieta Mańczak-Wohfeld, Uniwersytet Jagielloński
- Maria Maślanka-Soro, Uniwersytet Jagielloński
- Gabriela Matuszek-Stec, Uniwersytet Jagielloński
- Barbara Michalak-Pikulska, Uniwersytet Jagielloński
- Roman Mnich, Uniwersytet Warszawski
- Galina Nefagina, Akademia Pomorska w Słupsku
- Arkadiy Neminushchiy, Uniwersytet Dyneburski / Daugavpils Universitāte
- Jakub Niedźwiedź, Uniwersytet Jagielloński
- Sylwia Nowak-Bajcar, Uniwersytet Jagielloński
- Ryszard Nycz, Uniwersytet Jagielloński
- Tereza Obolevitch, Uniwersytet Papieski Jana Pawła II
- Magdalena Ochniak, Uniwersytet Jagielloński
- Barbara Oczkowa, Uniwersytet Jagielloński
- Barbara Olaszek, Uniwersytet Łódzki
- Alexander Ospovat, Uniwersytet Kalifornijski / University of California
- Agnieszka Palej, Uniwersytet Jagielloński
- Ewelina Pilarczyk, Uniwersytet Jagielloński
- Irina Prokhorova, Moskiewski Uniwersytet Państwowy / Московский Государственный университет
- Elżbieta Przybył-Sadowska, Uniwersytet Jagielloński
- Wacław Rapak, Uniwersytet Jagielloński
- Renata Rodak, Uniwersytet Jagielloński
- Rozalia Sasor, Uniwersytet Jagielloński
- Yuliya Sergo, Udmurcki Uniwersytet Państwowy / Удмуртский государственный университет
- Elżbieta Solak, Uniwersytet Jagielloński
- Barbara Sosień, Uniwersytet Jagielloński
- Elena Sozina, Uralski Uniwersytet Federalny / Уральский федеральный университет
- Ewa Stala, Uniwersytet Jagielloński
- Lidia Sudyka, Uniwersytet Jagielloński
- Jan Szczepaniak, Uniwersytet Papieski Jana Pawła II
- Włodzimierz Szturc, Uniwersytet Jagielloński
- Dorota Szumska, Uniwersytet Jagielloński
- Stanisław Śnieżewski, Uniwersytet Jagielloński
- Wanda Świątkowska, Uniwersytet Jagielloński
- Marietta Turyan, Sankt Petersburg
- Anna Walczuk, Uniwersytet Jagielloński
- Jadwiga Waniakowa, Uniwersytet Jagielloński
- Halina Waszkielewicz, Uniwersytet Jagielloński
- Władysław Witalisz, Uniwersytet Jagielloński
- Natalia Vesselova, Uniwersytet Ottawski / University of Ottawa
- Grażyna Zając, Uniwersytet Jagielloński
- Marcin Ziomek, Uniwersytet Jagielloński

Spis treści

TABULA GRATULATORIA	5
BARBARA SZCZUKIN, MAŁGORZATA SZCZUKIN Biogram z bliskiej perspektywy nakreślony	7
HELENA DUĆ-FAJFER Wasilij Gieorgijewicz Szczukin – wszechstronny badacz i erudyta.....	11
SPIS PUBLIKACJI	19
WSTĘP.....	37
Введение	39
PRZESTRZEŃ GEOGRAFICZNA	41
ANDRZEJ ROMANOWSKI Pogranicze polsko-rosyjskie (do roku 1863). Zagadnienia i postacie	43
MAGDALENA DĄBROWSKA Ziemie niemieckie oczyma rosyjskich podróżopisarzy przełomu XVIII i XIX wieku – miejsca wspólne, miejsca różne (wokół <i>Listów Rosjanina podróżującego po Europie od 1802 do 1806 roku</i> Dmitrija Gorichwostowa)	55
Кристина Воронцова Польша в русской литературе постсоветского периода: обзор проблемы	67
Дечка Чавдарова Образ Коми в воспоминаниях болгарских строителей и лесорубов	77
Джон Даглас Клэйтон Гурзуф как <i>locus amoenus</i> в житнетворчестве А.С. Пушкина.....	89
Виктор Скрунда К истории русской меньшинственной идеи в межвоенной Польше (РОМ, 1934)	101

PRZESTRZEŃ PSYCHOLOGICZNA	111
URSZULA TROJANOWSKA	
„Schody w pustkę” – przestrzeń i sen w opowiadaniu <i>Szatniarz</i> Jeleny Dołgopiat.....	113
Ксения Касаткина	
Психологическое пространство «подполья» в повести Ф.М. Достоевского <i>Записки из подполья</i>	125
Сергей Доценко	
Обезвөлвалпал А.М. Ремизова как модель «внутренней эмиграции»...	139
Валерий Мильдон	
Эней и Анна. Пространства судьбы в <i>Энеиде</i> и <i>Анне Карениной</i>	151
Ксения Дубель	
Эго – Гео. Пространство личности или личность пространства? Заметки о ранних стихах Гео Шкурупия	163
MARIA MALEWSKA	
Pamięć i tożsamość w utworze Pavla Amnuela <i>Spowiedź</i>	173
PRZESTRZEŃ TEKSTUALNA	185
Аркадий Гольденберг	
Хронотоп праздника в метасюжете Гоголя.....	187
HELENA DUĆ-FAJFER	
Przestrzeń rosyjskości w literaturze łemkowskiej.....	201
Людмила Луцевич	
Хронотопический континуум поэмы Александра Пушкина <i>Цыганы</i>	217
Ольга Гриневич	
Полемика с усадебным текстом Л.Н. Толстого в романе М. Степновой <i>Сад</i>	231
Юрий Доманский	
Слово «сцена» в паратексте <i>Вишнёвого сада</i> А.П. Чехова. К вопросу о пространстве реально-художественном и пространстве реально-театральном в драматургическом тексте.....	243
Татьяна Автухович	
Экфрасис как способ формирования пространства смысла.....	255

PRZESTRZEŃ URBANISTYCZNA.....	267
KATARZYNA SYSKA	
O mitologii miasta w dramacie Jurija Kławdijewa	
<i>Obłok przypominający delfina.....</i>	269
BOGUSŁAW ŻYŁKO	
O pewnej reprezentacji wieczności (Uwagi o <i>Rzymie</i> Mikołaja Gogola).....	281
DZMITRY KLIABANAU	
Topos Rzymu jako element „mitu Husowskiego” Władzimira Arłoua	
(na materiale powieści <i>Czasy dżumy</i>).....	293
Михаил Строганов	
<i>Город пышный, город бедный</i> и его родственники	305
Павел Лавринец	
Поэтосфера Вильнюса как города храмов	317
Валентина Брио	
Вильнюсские дворики как особенный городской локус	329
Наталия Няголова	
Топос «города греха» в литературной урбанистике болгарской	
«оттепели». Предварительные заметки.....	343
Михаил Тимофеев	
Что делает наши ландшафты такими разными, такими	
привлекательными? (Английский индустриальный пейзаж	
XVIII-XX веков).....	355
PRZESTRZEŃ PODRÓŻY	367
МАТЫЛДА CHRZĄSZCZ	
Podróż do źródeł tożsamości. <i>Wschód</i> Andrzeja Stasiuka	369
МИСЛАЎ МИЛЦАРЕК	
<i>Wyspa</i> Gołowanowa albo o poszukiwaniu sensu w Arktyce.....	379
Александр Вавжинчак	
Путь как судьба. Повесть Виктора Астафьева <i>Перевал</i>	393

PRZESTRZEŃ WIZUALNA	405
Якуб Садовски	
Интеллигент в пространстве анимации. Мультфильмы по рассказам Эдуарда Успенского.....	407
Евгения Строганова	
Женщина с книгой в портретной живописи второй половины XVIII – первой половины XIX в. Модель и пространство. Заметки к теме	421
Наталья Мариевская	
Социальные пространства в динамике сюжета. Анализ драматургии современного фильма.....	435
Наталья Злыднева	
Концепт «путь-дорога» в русской живописи. наброски к теме	449
INDEKS OSÓB	461
Указатель имён.....	467

Джон Даглас Клэйтон
Оттавский университет

Гурзуф как *locus amoenus* в житнетворчестве А.С. Пушкина

«Образ Крыма вошёл в пушкинское представление о счастье»
Лотман¹

Молодой поэт Александр Пушкин 6 мая 1820 г. отправился по административной должности из Петербурга в Екатеринослав, где находился его новый начальник, генерал Иван Никитич Инзов. Его поэма *Руслан и Людмила* была издана как раз в то время, когда он туда ехал: с этого момента его можно было считать настоящим поэтом, признанным широкой читающей публикой. Путь Пушкина к месту назначения лежал через Киев, где 14 мая он был в гостях у генерала Николая Николаевича Раевского. Приехал он в Екатеринослав 17 или 18 мая. Вечером 26 мая Раевский с сыном и другом Пушкина Николаем нашли поэта больным в хижине на окраине города. С разрешения Инзова они пригласили его поехать с ними на Кавказ, чтобы поправить его здоровье на целебных водах. 28 мая кавалькада Раевских вместе с больным Пушкиным отправилась сначала в Таганрог, а потом на Кавказ. Эти три месяца, проведённые с Раевскими, оказались поворотными в жизни Пушкина и в развитии его творчества. Пробыв июнь, июль и первую часть августа на Кавказе, Раевские с Пушкиным переправились в Крым, а 18 августа поплыли на военном корабле из Феодосии в Гурзуф, где они отдыхали до 5-го сентября. Жил Пушкин с семьёй Раевских (к ним присоединились старшие дочери Николая

---

¹ Ю.М. Лотман, *Пушкин. Биография писателя*, Искусство-СПБ, Санкт-Петербург 1997, с. 62.

Николаевича Екатерина и Елена и их мать Софья Алексеевна) в доме, построенном в 1811 г. герцогом Ришельё, когда он был генерал-губернатором Новороссийского края.

Почему путешествие с Раевскими и пребывание в Гурзуфе были такими значимыми для развития Пушкина как поэта? Дело в том, что за три года до его отправления из Петербурга в Екатеринослав появилась книга *Опыты в стихах и прозе* К.Н. Батюшкова. Судя по тому, что читатель южного текста поэта постоянно наталкивается на слова, идеи, мотивы и темы, почерпнутые из этой книги, по всей вероятности, Пушкин вез ее с собой. Видимо, для молодого поэта книга Батюшкова служила как бы пособием по тому, как быть настоящим поэтом². И не исключено, что перемена мест и удаление от многочисленных развлечений жизни в столице помогли ему сосредоточиться на самом главном – развитии его поэтического таланта.

Есть некоторые темы, которые можно выделить из *Опытов* Батюшкова и которые кажутся важными в контексте эволюции Пушкина как поэта. Во-первых, Пушкин следует совету Батюшкова поэтам, высказанному в эссе *Нечто о поэте и поэзии*, рассматривать своё звание в контексте великих поэтов древности и Ренессанса. Более того, дело поэта – не просто писать стихи, а заниматься житнетворчеством, создавая миф о собственной жизни. Поэтому, приезжая на юг, поэт интенсивно начинает искать следы древнего мира – в частности, в Крыму, а в Бессарабии обращается к тени Овидия, который якобы там жил в изгнании³. Цель – поставить себя в один ряд с древними предшественниками. Стихотворение *Нереида*, написанное в Крыму, выражает это стремление: лирический герой тайком наблюдает, как в море купается молодая женщина, и уподобляет её нереиде из древней мифологии.

В *Опытах* Батюшков уделяет немало внимания итальянскому поэту Петрарке, в творчестве которого он подчеркнул несколько важных черт. Первая из них – загадочный образ Лауры, к которой тот обращается в своих сонетах и канцонах, написанных на итальянском:

² О значении *Опытов* Батюшкова для развития Пушкина см.: О.А. Проскурин, *Поэзия Пушкина, или Подвижный палимпсест*, Новое литературное обозрение, Москва 2001, с. 35-36.

³ На самом деле Овидий был сослан в Томы (ныне Констанцу) – достаточно далеко от Кишинёва. Можно сказать, что Пушкин в своём «южном тексте» создаёт два биографических мифа: миф о поэте Александре Пушкине и миф о поэте Овидии Назоне. Их объединяет ссылка далеко от столицы и гнев жестокого самодержца.

[...] многие сомневались в любви его к Лауре. Многие французские писатели утверждали, что Лаура никогда не существовала, что Петрарка воспевал один призрак, красоту, созданную его воображением, как создана была Дульцинея Сервантовым героем. Италиянские критики, ревнители славы божественного Петрарки, утвердили существование Лауры [...]⁴

Догадки о прототипе Лауры так же бессмысленны, как догадки об идентичности той, «с которой образован / Татьяны милый идеал» в *Евгении Онегине*. Образ идеально красивой, чистой женщины, который Пушкин начинает выстраивать именно во время своего пребывания на юге, соткан из разных моментов и встреч из жизни поэта, но превращён в литературный миф, главной чертой и даже смыслом которого является его загадочность⁵. Разница между Пушкиным и Петраркой состоит в том, что у русского поэта личность женщины остаётся анонимной.

В *Опыте* Батюшков выделяет и другой элемент творчества Петрарки, который, в немного изменённой форме, повторяется также в творчестве Пушкина, а именно – необходимость для поэта какого-то тихого, укромного места подале от толпы, способствующего мышлению и рефлексии, то есть, тоpos «приятной местности» или «locus amoenus»:

Тибулл не обманывал ни себя, ни других, говоря покровителю своему, Мессале, что его не обрадуют ни триумфы, ни пышный Рим; но спокойствие полей, здоровый воздух лесов, мягкие луга, родимый ручеек и эта хижина с простым, соломенным кровом – ветхая хижина, в которой Делия ожидает его с распущенными власами по высокой груди⁶.

У Петрарки такой тоpos появился впервые во время его пребывания на юге Франции около Авиньона: «Петрарка точно стоял, опершись на скалу Воклюзскую, погружённый в глубокую задумчивость, когда вылетали из уст его гармонические стихи»⁷. Раффаэлла Фабиани Жаннетто пишет:

⁴ К.Н. Батюшков, *Опыты в стихах и прозе*, Наука, Москва 1977, с. 150.

⁵ Например, некоторые пушкинисты считают, что «лирической героиней» стихотворения *Увы, зачем она блистает*, написанного в Гурзуфе, является Елена Раевская, другие – её старшая сестра Екатерина. См.: Ю.М. Лотман, *Пушкин...*, с. 519.

⁶ К.Н. Батюшков, *Опыты в стихах и прозе...*, с. 24.

⁷ Там же.

Именно Воклюз – долину, окружённую горами – имеет ввиду [Петрарка], когда он описывает идеально приятную местность, представляющую, по его словам, *transalpina solitudo mea iocundissima* (моё замечательное трансальпийское уединение)⁸.

Как показывал Эрнст Роберт Куртиус, у древних Греков тоπος Аркадии или святой рощи или сада был устойчивым элементом, восходящим к Гомеру:

Из пейзажей Гомера последующие поколения взяли определенные мотивы – [...] прекрасный миниатюрный пейзаж, сочетающий в себе дерево, весну и траву; лес с различными породами деревьев; ковёр из цветов⁹.

Там жили нимфы, там круглый год росли виноград и другие фрукты, там стояли тенистые деревья, текли чистые ручьи, там пастухи пасли своих овец. Главное – там не надо было заниматься физической работой, зато обстановка была идеальной для писателя, как подчёркивает Жаннетто:

Воклюз был деревенским убежищем Петрарки. Там в 1346 – в течение лишь одного года – он написал большую часть своего трактата *De vita solitaria*. В нём Петрарка восхваляет прелести этой уединённой долины, например тишину лесов, которая так располагает к учению и медитации¹⁰.

По словам Эненкеля, для Петрарки Воклюз был не только *locus sacer* (священное место), но и *locus liber* (свободное место), в котором поэт мог бродить по лесным местам, медитировать, и сочинять¹¹.

В поэзии Петрарки сливаются две традиции – дохристианская и новозаветная¹². Важно отметить, что в обеих традициях понятие о «приятной мест-

⁸ R.F. Giannetto, *Writing the Garden in the Age of Humanism: Petrarch and Boccaccio*, „Studies in the History of Gardens & Designed Landscapes” 2003, no. 23 (3), с. 24 (Переводы с английского и латинского сделаны автором статьи).

⁹ E.R. Curtius, *The Ideal Landscape* [в:] E.R. Curtius, *European Literature and the Latin Middle Ages*, Princeton University Press, Princeton 1953, с. 186.

¹⁰ R.F. Giannetto, *Writing the Garden in the Age of Humanism...*, с. 28.

¹¹ K. Enekel, *Sacra solitudo. Petrarch's Authorship and the locus sacer* [в:] *Petrarch and Boccaccio: The Unity of Knowledge in the Pre-modern World*, ред. I. Candido, Degruyter, Berlin–Boston 2018, с. 55-56.

¹² Для объяснения сложной христианской символики сада или ограда (*hortus conclusus*), в частности как обители Богоматери, см.: Л.И. Сазонова, *Память культуры. Наследие Средневековья и барокко в русской литературе Нового времени*, Языки русской культуры, Москва 2012, с. 71-72.

ности» (locus amoenus) связано с «прекрасной дамой». У Петрарки сосуществуют в одном образе Лауры элементы классических нимф – традиционных обывателей Аркадии – и Мадонны. Как пример сонета Петрарки, в котором топос locus amoenus и образы Лауры и Мадонны парадоксальным образом сосуществуют, можно процитировать знаменитый сонет LXI из его книги сонетов и канцон, «Benedetto sia 'l giorno, et 'l mese, et l'anno», в переводе Вячеслава Иванова:

Благословен день, месяц, лето, час
И миг, когда мой взор те очи встретил!
Благословен тот край и дол тот светел,
Где пленником я стал прекрасных глаз!

Благословенна боль, что в первый раз
Я ощутил, когда и не приметил,
Как глубоко пронзён стрелой, что метил
Мне в сердце бог, тайком разящий нас!

Благословенны жалобы и стоны,
Какими оглашал я сон дубрав,
Будя отзвучья именем Мадонны!

Благословенны вы, что столько слав
Стяжали ей, певучие канцоны, – -
Дум золотых о ней, единой, сплав!¹³

Итак, приехав в Гурзуф, Пушкин нашёл свой Воклюз – тот рай на земле, о котором он, видимо, мечтал, и одновременно начал выстраивать образ идеальной женщины. В восторженном письме брату Льву Сергеевичу, написанном в Кишинёве 24-го сентября 1820 г., он впервые описывает свои впечатления о путешествии из Феодосии в Гурзуф и об эффекте, который на него произвело это райское место:

Корабль плыл перед горами, покрытыми тополями, виноградом, лаврами и кипарисами; везде мелькали татарские селения; он остановился в виду

¹³ Ф. Петрарка, *Сонеты и канцоны на жизнь и на смерть мадонны Лауры*, Азбука, Санкт-Петербург 2011, с. 49.

Юрзуфа. Там прожил я три недели. Мой друг, счастливейшие минуты жизни моей провел я посреди семейства почтенного Раевского. [...] Все его дочери – прелесть, старшая – женщина необыкновенная. Суди, был ли я счастлив: свободная, беспечная жизнь в кругу милого семейства [...] счастливое, полуденное небо; прелестный край; природа, удовлетворяющая воображение, – горы, сады, море: друг мой, любимая моя надежда – увидеть опять полуденный берег и семейство Раевского¹⁴.

В апреле 1825 г. последовало издание *Отрывка из письма к Д.*, написанного в Михайловском в декабре 1824 г. Письмо Дельвигу поэт писал в декабре 1824 г., прочитав книгу И. Муравьева-Апостола *Путешествие по Тавриде*.

Содержание *Отрывка* частично повторяет первое описание в письме брату Пушкина, но с несколькими новыми деталями; кроме того, текст написан в поэтическом стиле, с метафорами («казались ульями», «как зелёные колонны») и олицетворением («стройно возвышались», «рос молодой кипарис»). Перед нами прекрасный пример поэтической прозы молодого Пушкина:

Из Феодосии до самого Юрзуфа ехал я морем. Всю ночь не спал; луны не было, звезды блистали; передо мною, в тумане, тянулись полуденные горы... [...] Перед светом я заснул. Между тем корабль остановился в виду Юрзуфа. Проснувшись, увидел я картину пленительную: разноцветные горы сияли; плоские кровли хижин татарских издали казались ульями, прилепленными к горам; тополи, как зеленые колонны, стройно возвышались между ними; справа огромный Аю-даг... и кругом это синее, чистое небо, и светлое море, и блеск, и воздух полуденный...

В Юрзуфе жил я сиднем, купался в море и обедался виноградом; я тотчас привык к полуденной природе и наслаждался ею со всем равнодушием и беспечностью неаполитанского *Iazzaroni*. Я любил, проснувшись ночью, слушать шум моря, – и заслушивался целые часы. В двух шагах от дома рос молодой кипарис; каждое утро я навещал его и к нему привязался чувством, похожим на дружество. Вот все, что пребывание мое в Юрзуфе оставило у меня в памяти¹⁵.

¹⁴ А.С. Пушкин, *Полное собрание сочинений*: в 10 т., т. 10, ред. Б.В. Томашевский, Наука, Ленинград 1979, с. 18.

¹⁵ Там же, т. 6, с. 429.

Издание *Отрывка* послужило созданию мифа об этом месте. Неслучайно мы находим в этом тексте традиционные детали из древних описаний прекрасной местности: горы, деревья (тополи, лавры, кипарисы), роскошную природу, виноград, скромные жилища местного народа, свободную, беспечную жизнь, и даже присутствие моря, как в аналогичных эпизодах в *Одиссее*. Есть и ещё один необходимый элемент: присутствие нескольких прелестных девиц. Кто будет исполнять «роль Лауры»: старшая (Катя), которая скоро выйдет замуж за Орлова, или юная Мария, которая бегала между волнами, когда, по пути на Кавказ, кавалькада Раевских приостановилась при виде Азовского моря? Вопрос, конечно, нелегитимный – ведь обе жили в реальности, а «милый идеал» возник в биографическом мифе поэта.

В одном отношении Пушкин скрывал подлинные детали своей жизни в Гурзуфе: не всё время он подавался *dolce far niente*. Мы знаем, что в течение этих трёх недель он успел познакомиться с поэзией Байрона и Шенье при помощи Николая Раевского (младшего) и написать первый набросок *Кавказского пленника*. О своей благодарности Николаю Николаевичу за помощь и поддержку в трудное время поэт пишет в посвящении:

Я близ тебя ещё спокойство находил;

Я сердцем отдыхал – друг друга мы любили:

И бури надо мной свирепость утомили,

Я в мирной пристани богов благословил¹⁶.

Посвящение *Кавказского пленника* – лишь одно из первых многочисленных упоминаний в поэзии Пушкина о его трёхнедельном пребывании у Раевских в Гурзуфе. Ещё в эпилоге к *Бахчисарайскому фонтану* поэт снова воспекает места своего крымского отдыха:

[...] Волшебный край! очей отрада!

Всё живо там: холмы, леса,

Янтарь и яхонт винограда,

Долин приютная краса,

И струй и тополей прохлада [...]¹⁷

¹⁶ Там же, т. 4, с. 81.

¹⁷ Там же, с. 145.

Однако самое обширное описание Гурзуфа в стихах находится в стихотворении *Кто видел край, где роскошью природы*. Здесь повторяются все черты Крымского и частично Гурзуфского пейзажа. Вот первая строфа:

Кто видел край, где роскошью природы
 Оживлены дубравы и луга,
 Где весело, синяя, блещут воды
 И пышные объемлят берега,
 Где на холмы под лавровые своды
 Не смеют лечь угрюмые снега?
 Скажите мне: кто видел край чудесный,
 Где я любил, изгнанник неизвестный?¹⁸

Сочетание «укромное место и любовь» становится устойчивым в каждом проявлении темы юга в поэзии Пушкина. Даже в стихотворении *Талисман* (1827) нетрудно различить в нескольких штрихах – море, луна, скалы – возможную ссылку на Гурзуф¹⁹:

Там, где море вечно плещет
 На пустынные скалы,
 Где луна теплее блещет
 В сладкий час вечерней мглы,
 Где, в гаремах наслаждаясь,
 Дни проводит мусульман,
 Там волшебница, ласкаясь,
 Мне вручила талисман²⁰.

А в *Путешествии Онегина* (1829) мы читаем:

¹⁸ А.С. Пушкин, *Полное собрание сочинений*: в 20 т., т. 2: *Стихотворения, книга вторая* (Юг. 1820-1824), ред. Е.О. Ларионова, Наука, Санкт-Петербург 2016, с. 362. Интересен в этом тексте отзвук стихотворения Гёте *Kennst du das Land?* (песня Миньона) из романа *Годы учения Вильгельма Мейстера*, как будто Пушкин признаёт, что его южные годы были годами учения ремеслу поэта.

¹⁹ Возможно, южная тема здесь была вызвана встречей Пушкина с Марией Волконской (Раевской) в Москве 27 декабря 1826 г. на музыкальном вечере, организованном в её честь накануне её отъезда в Сибирь, куда был сослан её муж С.Г. Волконский.

²⁰ А.С. Пушкин, *Полное собрание сочинений*: в 10 т., т. 3, с. 35.

Прекрасны вы, брега Тавриды,
Когда вас видишь с корабля
При свете утренней Киприды,
Как вас впервой увидел я;
Вы мне предстали в блеске брачном:
На небе синем и прозрачном
Сияли груди ваших гор,
Долин, деревьев, сёл узор
Разостлан был передо мною²¹.

Здесь простая деталь из первого описания гурзуфского эпизода в письме брату поэта – «звёзды блитали» – получает полную поэтизацию: «При свете утренней Киприды». Упоминание планеты Венеры (Киприды) вводит тему любви, которая усиливается неожиданным прилагательным «в блеске брачном» [выделено мной – ДжДК], относящимся формально к «брега[м] Тавриды», но явно по ассоциации к дочерям генерала Раевского, которых скоро поведут под венец. В конце строфы тема любви полностью развивается:

Какой во мне проснулся жар!
Какой волшебною тоскою
Стеснялась пламенная грудь!²²

В этом последнем воспоминании о Гурзуфе поэт прощается с ключевым моментом в своей жизни: «Но, муза! прошлое забудь»²³.

Без сомнения, Гурзуф был для Пушкина тем убежищем от забот мира и местом творческого труда, как Воклюз для Петrarки, и одновременно служил незаменимым элементом в биографическом мифе, который он сознательно создавал во время своего пребывания на юге. Гурзуф ассоциируется с юностью, свободой, и любовью (или вернее, влюблённостью?) Он является незаменимой частью южного текста поэта.

²¹ Там же, т. 5, с. 173-174.

²² Там же.

²³ Там же.

Библиография

- Батюшков К.Н., *Опыты в стихах и прозе*, изд. подг. И.М. Семенко, Наука, Москва 1977, *Литературные памятники*.
- Лотман Ю.М., *Пушкин. Биография писателя*, Искусство-СПБ, Санкт-Петербург 1997.
- Петрарка Франческо, *Сонеты и канцоны на жизнь и на смерть мадонны Лауры*, Азбука, Санкт-Петербург 2011, *Классика*.
- Проскурин О.А., *Поэзия Пушкина, или Подвижный палимпсест*, Новое литературное обозрение, Москва 2001.
- Пушкин А.С., *Полное собрание сочинений*: в 10 т., ред. Б.В. Томашевский, Наука, Ленинград 1977-1979.
- Пушкин А.С., *Полное собрание сочинений*: в 20 т., т. 2: *Стихотворения, книга вторая (Юг. 1820-1824.)*, ред. Е.О. Ларионова, Наука, Санкт-Петербург 2016.
- Сазонова Л.И., *Память культуры. Наследие Средневековья и барокко в русской литературе Нового времени*, Языки русской культуры, Москва 2012, *Studia Philologica*.
- Curtius E.R., *The Ideal Landscape* [в:] E.R. Curtius, *European Literature and the Latin Middle Ages*, Princeton University Press, Princeton 1953, *Bollingen Series*.
- Enenkel K., *Sacra solitudo. Petrarch's Authorship and the locus sacer* [в:] *Petrarch and Boccaccio: The Unity of Knowledge in the Pre-modern World*, ред. I. Candido, Degruyter, Berlin–Boston 2018, <https://doi.org/10.1515/9783110419306-003>.
- Giannetto R.F., *Writing the Garden in the Age of Humanism: Petrarch and Boccaccio*, „Studies in the History of Gardens & Designed Landscapes” 2003, no. 23 (3), <https://doi.org/10.1080/14601176.2003.10435297>.

ABSTRACT

Gurzuf as *locus amoenus* in Pushkin's Self-Fashioning

In 1820 Pushkin spent most of the summer with the Raevsky family in the Caucasus and then in Gurzuf, Crimea. As an aspiring poet he was inspired by Konstantin Batiushkov to create a myth of his life and represent himself in the same context as the ancient Greek and Renaissance lyricists. Key to this was Gurzuf, which, following the example of Petrarch's stay in Vacluse, he described as a *locus amoenus*, thereby, like the Italian poet, combining two traditions – Homeric and Christian symbology. He also developed the image of an (unnamed) ideal woman inhabiting the ideal place, like Petrarch's

Laura. Analysis of Pushkin's representations of Gurzuf in prose and verse shows an increasing poeticization of this symbolic complex from the first description in a letter to his brother from Kishinev (1820) to the last mention in *Onegin's Journey* (1829).

Keywords: Pushkin, Petrarch, Batiushkov, *locus amoenus*, Gurzuf

Ключевые слова: Пушкин, Петрарка, Батюшков, *locus amoenus*, Гурзуф

Tom jubileuszowy, który oddajemy do rąk czytelnika, stanowi wyraz najwyższego uznania wobec imponującego dorobku naukowego oraz wdzięczności za lata działalności dydaktycznej Pana Profesora Wasilija Szczukina. Publikacja jest próbą odzwierciedlenia szerokiego spektrum zainteresowań badawczych Jubilata, oscylujących wokół historii literatury i kultury rosyjskiej, metodologii badań literackich, poetyki sztuki totalitarnej, a także szeroko rozumianej geografii humanistycznej; osadza jednocześnie te pojęcia w kontekście macierzystym badacza – to jest fenomenów przestrzeni i tożsamości. Z wielką radością pragniemy podkreślić, że niniejsza księga, na którą złożyły się teksty wielu wybitnych badaczy literatury, sztuki i kultury, pragnących uhonorować Profesora Szczukina, stanowi platformę do wymiany myśli naukowców reprezentujących ośrodki naukowo-akademickie między innymi w Polsce, Izraelu, Bułgarii, Kanadzie, Stanach Zjednoczonych, Rosji, na Litwie i Białorusi, co należy uznać za jawne świadectwo swoistej niezależności nauki i jej niepodlegania różnorodnym ograniczeniom, które w danym czasie i danej przestrzeni mogą hamować kontakty i zaburzać procesy konsolidacyjne na bazie twórczej wymiany.

<https://akademicka.pl>

ISBN 978-83-8138-730-9

